

СПУТНИК НА ВСЮ ЖИЗНЬ

СЕГОДНЯ БОЛЬШОЙ ПРАЗДНИК для всех людей театра, для миллионов любителей театра во всем мире. Ведь Шекспир и театр — это слова-синонимы. Четыре столетия радуется и потрясает, волнует и учит десятки людских поколений могучее творчество гениального драматурга, являющееся гордостью английского народа, гордостью всего прогрессивного человечества.

В России творчество великого англичанина издавна пользовалось глубокой любовью демократической публики. Бессмертный сценический образ Гамлета создал великий актер-демократ Мочалов, его игра вдохновила В. Г. Белинского, написавшего статью с проникновенным анализом характера датского принца и путей его воплощения на сцене.

Но настоящую вторую свою родину обрел у нас Шекспир после Великого Октября, создавшего небывалые условия для расцвета искусства. Шекспир стал у нас подлинно народным драматургом. В истории советского искусства много примеров ярчайшего сценического воплощения творений Шекспира от «Ромео и Джульетты» в Театре революции, от Отелло Остужева и короля Лира Михозлса до охлопковского «Гамлета». Передовые идеи нашего времени помогли советским артистам и режиссерам по-новому прочесть шекспировские трагедии и комедии, передать его глубочайшую народность, его исторический оптимизм, мощь его характеров, столь созвучную нашей эпохе.

Яркую страницу в шекспировскую летопись внесли театры наших национальных республик, в частности казахский театр. Казахские актеры впервые встретились с драматургией Шекспира в 1939 году, когда Казахский академический те-

атр драмы поставил трагедию «Отелло». Я в это время еще только окончила Ленинградскую актерскую студию и работала в Чимкенте. Для меня первой встречей с шекспировскими героями была работа над комедией «Укрощение строптивой». Мне, тогда совсем молодой актрисе, было очень трудно овладеть всем сложным богатством шекспировского драматургического материала. Я получила эту роль по настоянию главного режиссера театра М. И. Гольдבלата, который сразу поверил в меня. Видимо, тут значение имело то, что я, выпускница Ленинградской актерской школы, воспитывалась на классическом репертуаре. Моя молодость, кажется, смущала постановщиков спектакля О. И. Пыжову и Б. В. Бибикова, но их педагогический такт, яркий режиссерский талант, их удивительное умение работать с актером привели меня к удаче в роли Катарины.

Над этим образом я продолжала работать всю жизнь. Даже сейчас, через много лет, после десятилетия 1958 года, я опять пересматривала сценический образ своей Катарины и открывала в нем новое, искала новые комедийные краски.

В работе над образом Катарины мне очень помог Шакен Айманов — исполнитель роли Петруччио. До этой роли он уже успешно сыграл в «Отелло» Кассио. В «Укрощении строптивой» он чувствовал себя намного увереннее и свободнее, чем я. И, конечно, я многому научилась у Калибека Куанышпаева, играющего отца Катарины. Он так правдиво и искренне воплощал образ запуганного отца строптивой дочери, что его уверенность невольно передавалась мне и толкала меня в роли на верные и органичные действия и поступки.

В работе над образом Катарины я особенно

остро почувствовала всю мудрость высказывания Константина Сергеевича Станиславского, который писал, что артист нашего толка (т. е. артист искусства переживания) должен гораздо больше, чем представители других направлений в искусстве, заботиться не только о внутреннем аппарате, создающем процесс переживания, но и о внешнем, телесном аппарате, верно передающем результаты творческой работы чувства, его внешнюю форму воплощения. Это указание Станиславского особенно надо помнить, работая над Шекспиром.

Шекспир требует от актеров огромной культуры и мастерства. Его невозможно сыграть без глубокого изучения эпохи и многовековых шекспировских традиций. Без знания этого даже самая добросовестная и как будто взволнованная игра не достигает желанной цели. В исполнении актера все равно образуется та коварная щель, через которую видна вся приблизительность внешней формы: актерской пластики, умения носить костюм, владеть шпагой и т. д. Шекспир, как никто, требует от актеров повседневного и систематического труда над совершенствованием формы.

В работе над новым, только что поставленным шекспировским спектаклем «Отелло» мы особенно остро почувствовали пробелы в воспитании наших актеров. Они мешали некоторым исполнителям воплощать как будто верно понятия и глубоко обжитые чувства и мысли шекспировских героев. Чрезмерная старательность, неумение легко и свободно решать пластические задачи приводит часто к тому, что в заключительной стадии работы над спектаклем актеры уделяют свое основное внимание внешней форме образа.

В результате к необходимой завершенности пластического рисунка актер так и не приходит.

И все же спектакль «Отелло», поставленный Казахским академическим театром драмы имени М. О. Ауэзова к 400-летию со дня рождения Шекспира, еще раз продемонстрировал актерское богатство нашего театра.

Конечно, не все актеры играют с одинаковой силой. Но мне кажется необходимым подчеркнуть то новое в трактовке шекспировских образов, что было предложено постановщиком А. Л. Мадиевским и принято артистами. Некоторые не согласны с трактовкой Дездемоны, в которой подчеркнута демократичность ее характера. Но ведь уже само решение Дездемоны в те далекие времена нарушить все обычаи и законы и пойти навстречу своей любви к черному мавру говорит о силе и незаурядности ее натуры.

Я играю Эмилию. И здесь мы с режиссером старались подойти к этому образу по-новому, без слепого следования традициям. Моя Эмилия — женщина из народа. Обычно ее играли более аристократичной. Когда моя героиня встречается с неправдой и несправедливостью, она бросается на защиту истины и чести со всей силой страстного, народного характера, не задумываясь о своей судьбе.

Для всех нас Шекспир — мудрый учитель, добрый спутник на всю жизнь. Его творчество глубоко созвучно нашему героическому времени. И мы, советские актеры, должны доносить зрителям его бессмертное слово во всеоружии мастерства.

Хадиша БУКЕЕВА,
народная артистка СССР.

